

АВРЕЛИЯ

Часть первая

ДОНОСЧИК

I. Рим в 91 году

В 844 году от своего основания, или в 91 году нашей эры, Рим томился под суровой и кровавой тиранией императора Домициана. Римский народ, гордившийся некогда своей свободой, должен был горько раскаяться, отдав себя во власть правителей вроде свирепого Калигулы, бездарного Клавдия или жестокого и бесчеловечного Нерона. В течение более пятидесяти лет, следовавших после царствования Августа, не было тех унижений и оскорблений, которым не подвергались бы от своих кесарей гордые победители мира. Смятение, ужас и страх за собственное существование стали повседневными, обычными условиями жизни римских граждан.

Правда, с восшествием на престол Веспасиана и затем его старшего сына Тита наступила некоторая передышка в этих тяжелых испытаниях, но двенадцать лет сравнительного затишья и покоя пронеслись с быстротой сновидений, а с воцарением Домициана настала пора новых бедствий, составляющая одну из наиболее мрачных страниц римской истории.

В описываемое время, соответствующее десятому году царствования Домициана, Рим в достаточной степени испытал на себе все ужасы неукротимой деспотии этого цезаря. Многочисленные и совершенно беспричинные ссылки и изгнания, направленные против именитейших

граждан, явные и тайные убийства и насилия составляли обычное явление.

Однако в 844 году Рим пользовался сравнительным покоем. Происходило это не оттого, что кровожадные инстинкты Домициана сделались от времени более умеренными; равным образом и не оттого, что он таким путем пожелал привлечь к себе некоторое расположение граждан; нет, он покинул на несколько месяцев Рим, чтобы лично закончить войну, которую давно и безуспешно его военачальники вели против дакийцев. Однако если рука отсутствующего Домициана не тяготела над громадным городом, то это не значило, что положение вещей значительно улучшилось. Опасность была, может быть, менее ощутимой, но она все же висела над головой каждого.

Император отсутствовал, но в городе оставалось много негодяев, которые служили орудиями его тирании и были обычными исполнителями его злодеяний. Толпа доносчиков соперничала в ловкости и дерзости, чтобы дать пищу алчности и ненависти, одинаково ненасытным у властителя мира.

Пламенное усердие этих угодливых исполнителей деспотизма цезаря поддерживалось не только раболепней угодливостью их перед повелителем, но и своекорыстными соображениями и целями. С ловкостью и неутомимостью ищущих они вынюхивали малейшие признаки, чтобы построить на основании них тягчайшие обвинения. Проницательность этих сыщиков была так велика, что казалось, будто они способны проникать в самую совесть и сердце людей. И все это делалось для того, чтобы подавить вздох о свободе и чтобы, по сильному выражению Тацита, зарегистрировать даже все вздохи и слезы.

II. День доносчика

Канун июльских ид 844 года...

Тонкая полоска тени на солнечных часах форума показывала полдень, когда какой-то человек, выйдя из базилики Юлия, остановился на несколько минут перед ее перистилем, наполненным шумной толпой народа.

Причиной наплыва громадной толпы к месту обычного заседания ста мужей служило то обстоятельство, что на этот раз в базилике Юлия собрался в виде исключения верховный суд по взысканию убытков. Уже в течение нескольких дней здесь разбиралось громкое дело, возбуждавшее горячие толки и споры. Два знаменитых оратора соперничали друг с другом в блеске и убедительности своих речей.

Внешность и манеры гражданина, который только что оставил зал заседаний и на некоторое время задержался в толпе, показывали, что он принимал самое близкое участие в процессе. На нем была пурпурная тога, по обычаю тех ораторов, которые старались возбудить к себе со стороны судей сочувствие. С этой же, без сомнения, целью широкая повязка закрывала всю левую часть его лица. Однако по тому презрению и даже угрожающим жестам, с которыми встретила его толпа, можно было догадаться, что симпатии были не на его стороне. Враждебное настроение окружающих стало его несколько беспокоить, и он готов уже был выбраться из толпы, когда вблизи послышались чьи-то глубокие вздохи, стенания и проклятия.

Эти вздохи исходили из уст старика, вся внешность которого свидетельствовала об его ужасном отчаянии.

Несчастный старик, так же как и человек в повязке и в пурпурной тоге, только что покинул зал заседания. Но он вышел оттуда, раздирая одежды и вырывая свои седые, усыпанные пеплом волосы. Это достаточно показывало, что приговор произнесен не в его пользу и что он коснулся самых дорогих и священных его интересов.

Его сопровождал защитник, еще молодой человек, черты лица которого свидетельствовали о благородстве его натуры. Напрасно он

пытался найти слова утешения для своего убитого горем клиента: тот громко выражал свои жалобы на несправедливость людей и на суровость богов.

Человек в повязке сделал было попытку ускользнуть от встречи с плачущим стариком, но, не будучи в силах пробраться сквозь толпу, решил поступить как раз наоборот. С восторженным видом он подошел к старику и, схватив за руку сопровождавшего его защитника, воскликнул:

— Дорогой Плиний! Позволь мне поздравить тебя, несмотря на твою неудачу. Твоя речь в защиту клиента была лучшей из всех, слышанных мною в течение всей моей жизни. Клянусь Аполлоном, ты превзошел самого Цицерона! Неудивительно, однако, что дело тобой проиграно: я получил благоприятные предзнаменования.

Плиний Младший, на этот раз «превзошедший Цицерона» разве только тем, что проиграл дело, поспешно отдернул свою руку и, презрительным взглядом смерив противника, отвернулся в сторону.

— Несчастный Цецилий! — продолжал между тем торжествующий победитель, обращаясь к старику и придавая своему лицу выражение живого сочувствия.— Отчего ты не согласился на сделку, которую я тебе только что предлагал? Ты бы...

Но он не мог договорить. Железная рука уже схватила его за горло и сдавила с такой силой, какую нельзя было предположить в руке слабого, разбитого горем старца. Еще мгновение — и, потеряв равновесие, он покатился со ступеньки на ступеньку к пьедесталу одной из статуй двенадцати великих богов, которые украшали перистиль базилики Юлия.

Восхищенная толпа одобрила старика громом рукоплесканий и радостными криками, осыпая его противника шиканьем и насмешками. А Плиний, огорченный неудачей настолько, что не мог даже позлорадствовать, поспешил скрыться.

Гражданин, сброшенный со ступенек базилики Юлия, поднялся с проворством человека, сделавшего легкий прыжок. Стараясь казаться бодрым и проворным, он не мог, однако же, скрыть злости, которой запылало его лицо.

— Клянусь всеми богами ада и всеми фуриями, что я отомщу тебе, проклятый старик! — воскликнул несчастный, едва держась на ногах.

После нескольких минут размышления он поспешно направился к

невысокому зданию, которое примыкало к храму Сатурна, расположенному, как и базилика Юлия, на форуме. Это здание было известно под именем народного архива, который служил местом для хранения актов и протоколов гражданского ведомства.

Придя в присутственное место, незнакомец потребовал свидетельство о рождении молодой девицы, которую он назвал Цецилией, и, обращаясь к чиновнику, поспешившему развернуть этот документ перед его глазами, сказал:

— Дополни акт припиской, что по состоявшемуся сегодня постановлению суда рекуператоров Цецилия, родившаяся от законных родителей, римского гражданина Цецилия Басса и покойной Теренции Пакувии, признана собственностью торговца невольниками Парменона. Вот заключение суда...

И он сунул в руку чиновника пакет, которым заботливо запасся, прежде чем покинуть преторию.

Но вместо того чтобы уйти из архива и направиться домой, он вошел во внутренний потайной коридор, который вывел его вскоре в другие присутствия, несомненно более важные, чем те, о которых мы только что упомянули, и где царила кипучая деятельность.

Это были казнохранилища республики и кесаря. Они занимали пристройки в ограде храма Сатурна. Если верно, что Веспасиан по восшествии на престол исчислил государственные расходы в ужасающей сумме двух миллиардов пятьсот тридцати миллионов сестерций, то нетрудно вообразить, какое зрелище должны были представлять эти места, куда стекалось золото и серебро со всей вселенной.

Было бы весьма интересно окинуть взором все это движение, хотя бы для того, чтобы всмотреться в выражение лиц, непрерывно следовавших для уплаты своих податей, и обрисовать характерную, не менее любопытную наружность чиновников, которые получали деньги и заносили в роспись: ничто не ново под луною, и, как в древности, так и в наши дня, печаль уплаты и радость получки представляли очень резкую противоположность.

Но у нас не хватило бы времени для таких деталей. Мы следим за человеком, которого не должны покидать из виду ни на одну минуту.

Он идет весьма быстро и, несмотря на то, что его ухо прислушивается к звуку драгоценного металла и взор его загорается

огнем алчности, не удостаивает вниманием весовщиков, или официальных контролеров, грубой и несовершенной монеты этой эпохи. Не без волнения мы сопровождаем его до того гражданина, которого он быстро различил среди толпы и отвел в сторону, чтобы обратиться к нему со следующим вопросом:

— Ну, дорогой Палфурий, какая сумма заготовлена для вручения нашему милостивому и всемогущему повелителю, императору Домициану, после отбытия его из Рима? Сделал ли ты расчет, о котором я просил тебя?

— О конечно! И сумма весьма значительная. Пятнадцать миллионов сестерций — вот что дали императору завещания в течение шести месяцев.

— И тебе не стыдно, Палфурий, говорить о такой жалкой сумме! Божественный Домициан будет негодовать за твое нерадение.

— Но,— возразил живо Палфурий,— весьма снизилась смертность в Риме с некоторого времени, и весьма небольшое число открыто завещаний. Армилат, с которым я недавно беседовал по этому делу, объявляет уменьшение сбора слишком благоприятными атмосферными условиями, вот,— прибавил он, повертываясь в сторону, откуда исходил свет,— вот солнце обещает нам палящий зной, и болезни нам помогут показать, что наше усердие к императору не ослабело.

— Армилат и ты, Палфурий, не более как глупцы! — воскликнул незнакомец тоном, который показывал, как мало стеснялся он в выражениях по отношению к человеку с таким положением, какое занимал Палфурий.— Я вам повторяю, что эта сумма недостаточна, а ссылка в виде оправдания на атмосферные условия и на отсутствие болезней смешна. Подумайте о том, что император Август получил в дар от своих друзей четыре миллиарда сестерций, что сестерция имела в то время бóльшую ценность, чем теперь, и что, следовательно, вы никогда не достигнете и четвертой части этой цифры, если несчастная сумма в пятнадцать миллионов сестерций за шесть месяцев вам представляется значительной. Или вы полагаете, что император Домициан меньше заслуживает вашего усердия, чем Август?

Эти слова были произнесены так внушительно и грозно, что Палфурий опустил глаза и предпочел ничего не отвечать в свое оправдание.

— А собрал ты какие-нибудь сведения относительно Флавия

Климента и его жены Флавии Домициллы? — продолжал допрашивать незнакомец.— Известно ли тебе, что распространился слух, будто они предались новому суеверию? Флавий Климент страшно богат, и если бы он на самом деле оказался христианином, то это могло бы послужить довольно простым средством, чтобы пополнить недочет, на который я тебе только что указывал.

Несчастный Палфурий, казалось, был потрясен этим новым вопросом еще более, чем первым. Тем не менее он ответил:

— Флавий Климент — двоюродный брат императора, а Флавия Домицилла — его собственная племянница. Двое из их сыновей получили от нашего августейшего повелителя имена Веспасиан и Домициан, потому что кесарь готовит их к управлению царством... Как же желаешь ты, чтобы были схвачены лица, которые находятся в таком близком родстве с императором и только что получили от него знаки благоволения?.. Берегись: это дело весьма опасно, и ты, кажется, недостаточно его обдумал.

— Итак,— сказал незнакомец, ударяя на каждом слове,— ты и Армилат отказываетесь от возложенных обязанностей. А не вам ли, как консулам, наиболее удобно начать дело... имея возможность легко проникнуть в тайну, которая беспокоит императора? Что, если он будет осведомлен другими? Право же, дорогой Палфурий, ты не дорожишь своими интересами!

И, не прибавив ни одного слова к этому угрожающему замечанию, не дожидаясь ответа, незнакомец тотчас же оставил Палфурия Суру, видимо встревоженного этим разговором.

Он поспешно прошел сквозь толпу, окружавшую пристройки храма Сатурна.

Через несколько минут он снова находился посреди форума. Эта обширная площадь, обыкновенно столь оживленная, была теперь почти совершенно пуста. Жара стояла удушливая. Солнце во всем своем блеске пронизывало палящими лучами воздух. Все граждане удалялись в свои жилища, чтобы предаться полуденному покою.

Но этот человек не чувствовал утомления. Ничто не могло его остановить. Его поддерживало и воодушевляло желание мстить, мстить и мстить... Несмотря на дневной зной, он прошел вдоль всего форума. В конце площади он взял направление от форума Марса к Ратуменским воротам, прошедши через которые направился по широкой улице к

цирку Фламиния. Направо от него находилось одно из самых древних зданий в Риме. Это было место народных собраний, где римляне оказывали гостеприимство посланникам народов, не состоявших в числе их союзников. Они не хотели, чтобы «варвары» проникли в самый *urbis terrum*. Только представителей дружественного народа они вводили в священный город, и республика принимала их с пышностью в Грекостазисе — роскошном доме, расположенном в центре форума.

Место народных собраний, как и большая часть сооружений древнего Рима, было окружено великолепными портиками. Здесь в тавернах, устроенных между проходами и галереями, помещались продавцы рабов и лошадей.

Незнакомец ударил в доску одной из таверн, наглухо закрытых по причине жары и почти полного отсутствия публики. Тотчас показался человек высокого роста, одетый в пеструю тогу, довольно сходную если не по форме, то по крайней мере по яркости и разнообразию окраски с костюмами наших ярмарочных фигляров и фокусников.

При первом взгляде на этого человека, на его грубую внешность и устрашающий вид можно было заподозрить в нем отъявленного преступника.

Подходя к порогу своей таверны, человек протер глаза и приятно зевнул. Очевидно, он был потревожен в своем приятном послеобеденном отдыхе и оттого казался недовольным. Но весь гнев, который успел накопиться в нем, исчез как по волшебству, когда он увидел того, чей внезапный стук разбудил его.

— Парменон! Цецилия в наших руках,— поторопился сказать прибывший, принимая тон господина и смотря совершенно особенным образом на того, к кому он обращался.— Да, благодаря моему красноречию отчуждение в твою пользу будет утверждено судом рекуператоров, и ты можешь прицепить к Цецилии ярлык о продаже.

— Господин, все будет исполнено по твоему приказанию.

— Отлично! Необходимо, и даже весьма необходимо, чтобы Цецилия была продана завтра же. Более того, ты должен будешь подтвердить, что она не может быть ни вольноотпущенной, ни свободной... У меня есть важные причины, чтобы эта статья договора была проведена по всей строгости... Ах! Я позабыл, цена определена в сто тысяч сестерций без одного стипса. А ты помнишь наш уговор? Две трети в мою пользу.

— Господин, не беспокойся: то, о чем условлено, будет исполнено в точности,— поспешил ответить Парменон, у которого слова незнакомца, казалось, вызвали довольно неприятные воспоминания.

Этого обещания было вполне достаточно, и, покинув место народных собраний, наш знакомый пошел к Ратуменским воротам.

Прошедши через форум мимо храма Победы, он взошел на Палатин и направился к великолепному дому, выстроенному некогда Марком Ливием Друзом, народным трибуном. Этот дом принадлежал сначала Крассу, потом Цицерону.

Говорили, что архитектору, предложившему выстроить дом таким образом, чтобы за его стены не могли проникать нескромные взгляды, Марк ответил:

— А я бы хотел, чтобы мое жилище было из стекла, чтобы каждый видел то, что там происходит.

Это было, следовательно, одним из самых удобных мест для наблюдений, а так как интересующему нас человеку приходилось их делать много, то он должен был помнить эти слова Друза и проверить, исполнил ли зодчий его пожелания.

После принятия мер предосторожности, окинув взором пространство, лежавшее направо и налево от него, впереди и позади, и найдя положение благоприятным,— при полной тишине незнакомец быстро перешел небольшую круглую площадь перед домом, приблизился к двери, позвонил робко в звонок и обратился к рабу-привратнику, который пришел отворить ее:

— Привет Палестриону, будущему вольноотпущеннику божественной Аврелии!

— Увы, господин,— ответил тот, низко поклонившись,— да услышит тебя Юпитер! Уже много раз ты подаешь слова надежды, но я не замечая, чтобы мои цепи ослабевали и звенья их разбивались!

И несчастный показал свои две ноги, тесно заключенные в двойной железный обруч, прикрепленный к длинной цепи, концы которой были прикованы к стене.

— Ты напрасно, Палестрион,— возразил незнакомец,— сомневаешься в моих словах: каждый раз, как ты меня видишь, я разбиваю одно из звеньев, которые ты мне показываешь! Я даю тебе золото, средство купить себе свободу... И до сего времени я не забыл еще, что должен принять участие в несчастном Палестрионе. Возьми:

вот два золотых, которые тебе принадлежат.

В то же самое время он положил в руку Палестриона две золотые монеты, которые этот последний скрыл с замечательным проворством в складках своей туники.

— Но, господин,— заметил раб,— у тебя есть причины принимать такое участие во мне, бедняге, о котором никто не думает!.. Признаюсь, что я весьма беспокоюсь, так как в этом доме, после того как ты приходил сюда, произошло нечто необыкновенное.

— А, что же, Палестрион?.. Что случилось?

— Нужно тебе сказать, господин, что наша госпожа, божественная Аврелия, вообще нежестока по отношению к рабам. Очень редко она подвергала нас наказаниям. Она очень любила рабыню Дориду... Разве ты ее знал, господин? — спросил Палестрион, прервав свою речь, так как заметил, что при этом имени незнакомец вздрогнул.

— Почему ты интересуешься, знал ли я ее? — вопросом ответил незнакомец, спеша уничтожить на своем лице выражение удивления, обратившее на себя внимание раба.— Продолжай.

— Итак, господин, эта Дорида, одевавшая обыкновенно божественную Аврелию, по повелению нашей госпожи была раздета донага, подвешена за волосы посреди атриума и там в присутствии всех домашних и рабов была так жестока наказана розгами, что скоро испустила дух на наших глазах в жестоких мучениях.

— За что же такая пытка? — спросил незнакомец с безучастием, которое рассеяло всякие подозрения в уме Палестриона.

— О, божественная Аврелия очень огорчена смертью своей рабыни; она сказала, что заменить ее нелегко. Говорят, что она даже много пролила слез по ней, но сегодня еще утром нам повторили, что она поступит таким же образом с каждым членом семьи, который, как Дорида, откроет домашние тайны Марку Регулу. Но... господин, что с тобой?

Немало усилий потребовалось незнакомцу для восстановления в своей наружности того спокойствия, которое было глубоко потрясено. Тем не менее он достиг этого и мог ответить:

— Ничего, Палестрион... Судьба Дориды вызывает сочувствие, и я не мог удержаться, чтобы не вздохнуть... Но этот Марк Регул ужасен!

— Говорят, это величайший негодяй, какой существует только в Риме, и я подумал, что наказанию Дориды мог бы и я подвергнуться,

если бы... по несчастью... тот, кого я не знал и который приходит расспрашивать меня, был...

— Благодарю, Палестрион, за сравнение, которым ты удостоил меня!.. Но благодаря богам мои вопросы не заключают в себе ничего, что могло бы сделать тебе неприятность и заставить тебя бояться наказания.

— Это правда, господин! Ты, надеюсь, простишь бедному рабу, который дрожит и не хочет тебя обидеть... так как ты не Марк Регул, не правда ли?.. А впрочем, я посмотрю, могу ли я отвечать на твои расспросы.

— Они будут совершенно просты и полны расположения к благородному дому твоей августейшей госпожи... Наша великая весталка, знаменитейшая Корнелия, чувствует себя лучше? В состоянии ли она вновь возложить на себя свои высокие и светлые обязанности?

— Нет, господин, здоровье великой весталки плохо. Божественная Аврелия, несмотря на свои заботы, не могла добиться того, чтобы она забыла наказание, которому подверг ее Гельвеций Агриппа, главный жрец, и мысль об этом позоре замедляет, говорят, ее выздоровление.

— А твоя госпожа, божественная Аврелия, принимает Метелла Целера?

Этот вопрос показался Палестриону опасным, и он не дал никакого ответа. На его лицо легла тень подозрительности, которую незнакомец поспешил развеять, прибавив равнодушно:

— Я ошибаюсь, не о Метелле Целере я хочу говорить, но о Флавии Клименте и о об обеих Флавиях Домициллах. Мне сказали, что твоя госпожа перестала видеться с ними. Правда ли это? Ведь они близкие родственники?

— О да, но есть причины.

— Должно быть, важные?

— Утверждают, что Флавий Климент и обе Флавии... как бы выразиться?.. Ах да... они заодно с евреями у Капенских ворот.

— То есть они христиане?

— Да, христиане, верно!.. Они желали бы, чтобы и моя госпожа, божественная Аврелия, которая приходится им племянницей, была такой же христианкой, но она им отказала... и даже добавила, что будет вынуждена прекратить знакомство.

В этот момент в атриуме раздался напев испанской песни,

занесенной в Рим благодаря поэту Марциалу. Молодой и чистый голос напевал куплеты. Незнакомец вздрогнул при звуке этих песен и поспешил к выходу.

— До свидания,— сказал он Палестриону,— вот кто-то... я увижусь с тобой...

Но он не мог удалиться без того, чтобы молодой человек, выходявший из дома Аврелии, не заметил его на улице шагах в пятнадцати от себя. Впрочем, незнакомец обернулся сам, чтобы беглым взглядом рассмотреть лицо, прервавшее его разговор с Палестрионом.

— Клянусь Геркулесом,— воскликнул молодой человек,— я уверен, что это бесчестный Регул! Зачем приходит он в этот квартал?... Палестрион, случайно ли у тебя завелись сношения с Регулом? — спросил он, возвращаясь к привратнику, который трясся всеми своими членами.

— Нет, господин,— пробормотал несчастный,— я не знаю Регула, а впрочем, я отлично знаю, что наша божественная госпожа...

— Бездельник! Если бы я был уверен, я приказал бы исполосовать тебе шкуру, как ослу, которого ведут ночью на мельницу!.. Но, во всяком случае, важно, чтобы Корнелия и Аврелия были уведомлены о присутствии этого человека возле их жилища.

И, сказав эти слова, он вошел в дом Аврелии. Со своей стороны, Марк Регул (это был он), убегая, пробормотал с чувством глубокого удовлетворения:

— Я уверен! Я узнал его голос: это Метелл Целер! Он был в то время, когда я говорил с Палестрионом! Ах, Метелл, ты посещаешь великую весталку во время полуденного покоя!.. Отлично!.. Гельвеций Агриппа узнает об этом важном деле... и другой человек также, великий жрец Домициан... Ты у нас в руках, знаменитейшая Корнелия!

Через час Марк Регул был в своем роскошном доме за Тибром. И конечно, он имел право повторять фразу, обратившуюся в поговорку благодаря Титу: «Я не потерял мой день!» Можно в самом деле сосчитать три дурных деяния, совершенные им в этот памятный день,— выигранный процесс против Цецилии, его свидание с Палфурием Сурой и Парменоном и наведение справок об Аврелии.

Что касается Палестриона, то свидетелей его разговора с Регулом не было, и он мог бы утешить себя надеждой, что общественный палач не придет его бичевать, как Дориду. Но страх захватывал его против воли,

и в своем негодовании на шпиона несчастный бормотал сквозь зубы:

— Так это ты, Марк Регул! Ну, проклятая душа, увижусь с тобой!.. Ты сам обещал еще зайти... только покажись!..

III. Воспитанница и опекун

На другой день после того, как Марк Регул был застигнут Метеллом Целером во время разговора с Палестрионом, яркое утреннее солнце обещало жителям Рима все великолепие роскошного неба, озаряя своими жгучими лучами мрачные и узкие улицы древней столицы.

Божественная Аврелия, находившаяся еще в своем кубикюле, или в спальней, решила воспользоваться этим прекрасным днем для того, чтобы предпринять прогулку по городу и попытаться рассеять свою скуку. Поэтому, обращаясь к своим послушным невольницам, она сказала повелительным тоном:

— Я хочу отправиться к портику Помпея. Нужно сейчас же уведомить моего опекуна Вибия Криспа, чтобы он был готов.

Такое событие, как выезд матроны, было немаловажным обстоятельством. Покидая свой дом, чтобы показаться на улице, она могла это сделать не иначе, как окружив себя соответствующей своему положению свитой. О положении же, занимаемом божественной Аврелией, можно было судить потому, что при ее выходах ее свита заполняла всю улицу. Как только был отдан приказ, пятьсот рабов знатной патрицианки пришли в движение, и все древнее жилище Цицерона огласилось шумом от их приготовлений.

Однако в ожидании, пока наступит момент, назначенный для выхода, следует сказать несколько слов о том, кто такая была Аврелия, говоря о которой Марк Регул прибавлял «божественная», хотя такой титул мог казаться слишком почетным для простой смертной. Тогда станет понятным, почему главная весталка, знаменитейшая Корнелия, как утверждал и Регул, находилась в ее доме, вместо того, чтобы жить в императорском атриуме, обычном убежище Весты.

Аврелия Флавия Домицилла — она носила эти три имени, общие, впрочем, почти для всех членов фамилии Флавия,— приходилась двоюродной внучкой и в то же время правнучкой императору Веспасиану. Она происходила от брака Флавия Сабина, племянника Веспасиана, с Юлией, единственной дочерью Тита, сына Веспасиана.

Кроме того, Аврелия Флавия Домицилла была племянницей Флавия Климента, родного брата ее отца Флавия Сабина.

Таким образом, Аврелия по отцу была двоюродной племянницей, а по матери двоюродной внучкой Домициана. Понятно поэтому, что в царствование Домициана, который, по свидетельству Светония, приказывал, чтобы его и в личных, и в письменных обращениях называли повелителем и богом (*dominus et deus noster*), никто не осмелился бы, говоря о родственниках императора, называть их иначе, как божественными. И если мы добавим, что Аврелия Флавия Домицилла предназначалась стать в будущем императрицей римской, то легко понять, что каждое чело должно было склониться перед этим несравненным величием и что в присутствии ее или при упоминании о ней, из уст каждого должны были слышаться слова благоговения или почтительной преданности.

Такое высокое положение было последствием недавнего указа императора Домициана, у которого не было других детей от брака с Домицией Лонгиной, кроме сына, умершего несколько месяцев тому назад. Прежде своего отъезда из Рима он назначил себе в преемники двоих сыновей Флавия Климента и Флавии Домициллы, имена которых он переименовал на имена Веспасиан и Домициан, без сомнения, не только для того, чтобы продлить воспоминание о том, кто вступлением своим на императорский престол прославил род Флавиев, некогда ничтожный и темный, но и для того, чтобы сохранить воспоминание о своем собственном величии.

Эти два молодых человека, воспитанные как цезари, были доверены самим императором знаменитому Квинтилиану для довершения их образования.

Веспасиан, старший, должен был жениться на своей молодой двоюродной сестре Аврелии и вместе с нею воссесть после смерти Домициана на престол вселенной.

Аврелия Флавия Домицилла была самой знатной патрицианкой в Риме, несмотря на то, что в описываемое время ей было всего лишь пятнадцать лет от роду.

Божественная Аврелия была круглой сиротой. Интересно перечислить те несметные богатства, единственной обладательницей которых была эта пятнадцатилетняя девушка, чтобы дать понятие о тех громадных состояниях, какие покорение всего мира сосредоточило в

руках небольшой горсти патрициев.

Кроме своего дома и пятисот невольников, кроме множества великолепных вилл, расположенных в прекраснейших областях Италии, божественная Аврелия владела двумя миллиардами семьястами миллионами сестерций. Ее драгоценные камни оценивались в сорок миллионов сестерций. Один перл из ее сокровищницы имел, по свидетельству Плиния, ценность в шесть миллионов сестерций.

Этот драгоценный камень, настолько известный, что Ювенал называет его знаменитейшим алмазом, был подарен некогда Юлием Цезарем Сервилии, матери того Брута, который впоследствии его убил.

Потом этот камень блистал на пальцах Вероники, дочери царя Ирода Агриппы. Последняя, будучи отвергнута Титом, не хотела более хранить это кольцо. Покидая Рим, она оставила его на память дочери того, кого она так страстно любила, а Юлия на смертном одре передала его в руки своей кроткой Аврелии.

Годы детства протекают весьма печально, если отец и в особенности мать не окружают ребенка своей родительской любовью. Юная Аврелия испытала это на себе. Домициан первоначально хотел сделать из нее весталку; но к осуществлению своего намерения он встретил неодолимое препятствие в священных обычаях страны, которых он не мог нарушить, несмотря на все свое могущество. Дело в том, что если божественная Аврелия в эпоху, когда это намерение приходило на мысль императору, и соединяла в себе некоторые из условий, необходимых для жрицы весталки, каковыми были возраст не свыше шести лет и звание патрицианки по происхождению, то в другом отношении ее избрание представляло непреодолимое затруднение. Без сомнения, для того чтобы испытание для семьи выбранной весталки было более тягостным и, следовательно, чтобы приносимая жертва казалась более достойной, требовалось, чтобы дева, назначенная к алтарю Божественной покровительницы Рима, имела в живых обоих родителей.

Это условие было настолько существенно, что при отступлении от него верховные жрецы сами требовали освобождения от звания жрицы той девушки, которая по своему семейному положению не удовлетворяла требованиям обычая, и не было примера, чтобы их просьба была бы отклонена.

Итак, Аврелия еще в детстве лишилась своих родителей. И тем не

менее, несмотря на счастливую неправопособность, освобождавшую ее от суровых обязательств ужасного обета, ее детство протекало под сенью святилища Весты. Там одна молодая девица, принадлежавшая к знаменитейшей римской фамилии, к той фамилии Корнелиев, которая дала республике Сципионов, Силлу, Цинна и т. д., настолько привязалась к юной патрицианке, что почти вполне заменила ей мать. Это была весталка Корнелия, трогательная и печальная история которой уже известна.

В то время, когда она взяла на свое попечение внучку императора, ей было около двадцати шести лет. Весталки принимались в возрасте от шести до десяти лет, и в продолжение тридцати лет они оставались на служении, но их обязанности возрастали по мере того, как они получали повышение в своей трудной деятельности. В продолжении первых десяти лет они изучали обряды и религиозные обычаи; в продолжение следующих десяти лет они исполняли эти обряды, наконец в продолжение последних десяти лет они обучали других. А та из весталок, которая в продолжение долгих лет переживала все события и становилась старейшей, именовалась великой весталкой; ее отличали от пяти других ее подруг величайшими почестями. Но зато на нее ложилась главная ответственность за все происходившее; все упущения в обрядах, сделанные другими весталками, вменялись ей в вину, и часто она одна переносила суровые наказания.

Таково было положение и Корнелии. Возведенная в высокое достоинство великой весталки, она испытала на себе самой все горести и опасности, соединенные с этим званием. Она только что претерпела наказание, которому подвергались лишь рабы!

Лишь только священный огонь потух от небрежности одной из жриц, как Гельвеций Агриппа, заменивший Домициана в сфере духовной, признал ее ответственной за эту оплошность, считавшуюся одной из самых несчастных предзнаменований; он приказал, чтобы гордая патрицианка наравне со всякой низкой рабыней подверглась мукам бичевания! Стыд, более еще, чем страдание, так ее изнурил, что она тяжело заболела, и ей, по обычаю, предложили позаботиться о другом жилище. И она, покинув тотчас же императорский атриум, отправилась просить убежища у своей дорогой Аврелии, которая еще прежде, по достижении двенадцатилетнего возраста, должна была покинуть храм Весты и поселиться в доме своих родных.

* * *

Маленький старичок, раздвигая занавес кубикюлома, где находилась молодая девушка, приблизился к ней с улыбающимся лицом и с выражением глубокого почтения. Маленький старичок одет в белую тогу с пурпурной каймой, что указывает на его сенаторское звание. Это был Вибий Крисп, опекун божественной Аврелии, которого она пригласила к себе.

Вибий Крисп оставил некоторую память о себе в истории.

Ювенал воспел его бодрую старость и его приятный разговор в одной из своих бессмертных сатир. Он изображает совет сенаторов, созванных Домицианом для обсуждения вопроса о соусе, в котором нужно готовить знаменитого пампуса (рыба, вылавливаемая у берегов Адриатического моря). Одно неблагоприятное слово чуть было не стоило жизни Вибию Криспу. Домициан, надо полагать для упражнения руки, забавлялся иногда тем, что за недостатком людей прикалывал мух своим кинжалом. И вот однажды Вибий, несмотря на то, что царствование Нерона, казалось бы, должно было сделать его осторожным, на вопрос, был ли император один, ответил: «Да, конечно, с ним не было даже мухи». Император несколько раз окинул молниеносным взглядом бедного Вибия, и все уже считали его погибшим; однако хитрый старик сумел искусно загладить неблагоприятное слово и спокойно прожил двадцать четыре года среди всевозможных опасностей при дворе Домициана. Действительно, его положение в качестве опекуна божественной Аврелии достаточно указывало на высокую степень благосклонности к нему императора.

Войдя в кубикюлом молодой девушки, Вибий дружески и почтительно приветствовал ее.

— Чем я могу быть полезным своей августейшей воспитаннице?

— Да, мой дорогой опекун: я попрошу тебя сопровождать меня в моей прогулке, так как я хочу отправиться к Помпейскому портику.

— Но,— с живостью воскликнул Вибий, от которого не ускользнул отпечаток грусти на лице молодой девушки,— очевидно, для этого есть свои причины, ибо, клянусь Юпитером, у тебя слезы на глазах, дорогая воспитанница! Что с тобой?.. Скажи мне, умоляю тебя! Быть может, твоему недостойному опекуну удастся вернуть улыбку на это очаровательное личико.

— Да, дорогой Вибий, мне грустно, и я очень несчастна!.. Состояние

моей бедной Корнелии меня огорчает... и потом...

— И потом?

— Я очень виновата... вот прочитай это письмо...

И, взяв со стола из лимонного дерева свиток папируса, она передала его Вибию. Это было письмо, присланное Аврелии ее двоюродной сестрой, которая, как и жена Климента, называлась Флавией Домициллой.

Оно начиналось такими словами:

«От Флавии Домициллы — Аврелии Домицилле привет».

Далее следовало:

«Дорогая сестра. Мы только что узнали, что ты лишила жизни свою рабыню Дориду. Без сомнения, по римским законам ты имела на это право; но ты знаешь, что немногие из граждан им пользуются, несмотря на то, что они не слишком добросердечны. Грустно, что молодая девица твоего возраста может попасть в разряд таких жестоких людей. Твой дядя Климент и Флавия Домицилла, твоя тетка, считают большим несчастьем, что невеста их сына могла быть виновна в таком превышении власти. Преступно посягать на жизнь себе подобных; ибо наши рабы, несмотря на то, что они должны нам повиноваться и нас почитать, суть наши же братья, как чада единого Бога.

Видишь, дорогая сестра, насколько наша религия величественнее и прекраснее той, которая позволяет господам обращаться с этими несчастными людьми, как с животными. Мы молим Бога, чтоб Он тебя просветил и простил».

Вибий Крисп, прочитав это письмо, неистово захохотал. Этот порочный старик, будучи одним из типичнейших представителей современного ему общества, чуждого сострадания к ближнему, нашел в прочитанном письме только предмет для насмешки. Тем не менее, чтобы подобная насмешка не была принята за недостаток чувства уважения по отношению к августейшей воспитаннице, он извинился перед нею и спросил:

— Неужели эти упреки и единственные в своем роде советы беспокоят и огорчают тебя, божественная Аврелия?

— Признаюсь, дорогой опекун, это письмо меня очень огорчило, так как я не могу не согласиться с его доводами.

— Так ты думаешь, что господин не может воспользоваться своим правом?

— Нет, Вибий... Но наказание было слишком жестоко!.. Правда, я таких приказаний не давала, и если моя Дорида умерла, то это был несчастный случай. Но все-таки в конце концов эту вину припишут мне! Что подумает обо мне мой двоюродный брат Веспасиан?

— Ах, моя дорогая и божественная воспитанница! — сказал Вибий, обращаясь с улыбкой к раскрасневшейся молодой девушке.— Так ты боишься прослыть слишком жестокой в глазах своего дорогого жениха! Отлично, по крайней мере есть повод. Не для этого ли предпринимается и эта прогулка к портику Помпея? Там ведь можно встретить милого жениха, который также прогуливается там ежедневно вместе со своим наставником.

— Вибий, Вибий, ты слишком зол! Да, конечно, я хочу видеть моего двоюродного брата, но только для того, чтобы объяснить ему... чтобы он меня извинил...

— А зачем тебе извинение? Я присутствовал однажды при одевании Фаннии. Прислуживавшие ей служанки были обнажены до пояса. И я тебя уверяю, что за малейшую провинность на их спины сыпались удары хлыста. Думаешь ли ты, что Фанния оплакивала бы смерть одной из служанок, причесывавших ее волосы?

Так как, однако, молодая девушка в безмолвной сосредоточенности ничего не отвечала, то Вибий продолжал:

— Огульния за забытую простыню приказала пытать свою банщицу медными палками, раскаленными докрасна на огне. Медуллина, эта стройная и нежная молодая девушка, умеряет болтовню своих служанок тем, что вонзает в их руки длинные шпильки, которыми прикалывают ее волосы... Однако никому и в голову не приходила мысль, что эти матроны безжалостны. В Риме, дорогая воспитанница, двести тысяч граждан и два миллиона рабов! Хотел бы я знать, какое средство предложила бы твоя двоюродная сестра, Флавия Домицилла, для того, чтобы удержать всю эту массу в повиновении, не прибегая к мерам жестокости?

Как ни старался Вибий Крисп убедить Аврелию ссылкой на многочисленные примеры, он не добился от нее ни одного слова. Было видно, что ее доброе сердце испытывало угрызения совести и что речи Вибия, лишённые чувства сострадания к ближним, возбуждали у нее

досаду. Вибий понял это и повел разговор иначе:

— Я знаю того, кто очень дорого дал бы за ее письмо.

— Кто же это такой, скажи, пожалуйста? — прервала его божественная Аврелия.

— Марк Регул.

— Марк Регул?! Зачем же оно ему, дорогой опекун?

— Он найдет в нем то очевидное доказательство, которое он повсюду разыскивает: именно — что Флавий Климент, его жена и твоя двоюродная сестра Флавия Домицилла христиане.

— Чего же он тогда добьется?

— Для меня это не совсем ясно. Но во времена императора Нерона нам не раз приходилось прогуливаться при свете пылавших христиан, которых привязывали к столбам, обливали серой и смолой и затем зажигали. Может быть, император Домициан пожелал бы в свою очередь насладиться этим приятным зрелищем!

Божественная Аврелия, вся в слезах, упала на руки Вибию.

— Мой дорогой Вибий, зачем ты это говоришь? Конечно, Дорида была бесчестна и ее смерть была справедлива. Я не буду больше ни в чем себя упрекать!..

Вибий ничего не понял. Он находился в состоянии человека, на которого нашел столбняк и который не понимал, что и как ему нужно делать.

— Дорогая воспитанница, твоя нежность делает мне честь и трогает меня,— произнес он, освобождаясь от ее объятий,— но каким образом то, что я сказал, могло...

— Вибий, Дорида написала Регулу... Письмо ее было перехвачено... Корнелия и Метелл Целер были так возмущены, что они велели ее наказать, а я...

— Что же было такое в этом письме?

— Прежде всего Дорида рассказала Регулу, что Корнелию почти ежедневно посещал Целер...

— Это было очень важно для твоей подруги, дорогая воспитанница; я начинаю понимать... Потом?

— Потом она положительно обвиняла моих родственников, Флавия Климента и обеих Флавий Домицилл, в христианстве, припоминая все их попытки склонить меня.

— Нужно радоваться, дорогая воспитанница,— сказал Вибий,

прерывая божественную Аврелию,— что это письмо было перехвачено. Ты верно рассуждаешь, она заслужила смерть, так как Регул извлек бы из этого письма гнусную выгоду. Но император отсутствует, а до его возвращения нам нечего бояться. Мы примем меры, чтобы отвратить все то зло, которое могло бы произойти... Осуши свои слезы, божественная Аврелия, и отправимся к портику Помпея. Твои нумидийские всадники готовы, и, уже когда я входил, они едва сдерживали своих коней. Едем!

И Вибий, хлопнув в ладоши, давая этим знак ожидавшей их свите, поднял занавес и вышел в сопровождении Аврелии в атриум.

Через несколько минут молодая девушка вновь овладела собой, и на ее лице, еще так недавно омраченном печалью, появилась веселая улыбка.

IV. Невольничий рынок

Форум и площадь Марса были центром не только политической жизни римлян. Здесь находились все достопримечательности столицы мира: красивейшие памятники, роскошные портики, богатейшие храмы, лучшие таверны, то есть магазины; здесь же были сосредоточены и всевозможные соблазны и удовольствия, служившие для развлечений праздных и скучавших покорителей вселенной.

Особенно одна из частей обширной площади Марса отличалась поразительным великолепием, с которым не может идти в сравнение ни один из современных городов.

В числе таких чудес были портики, открытые галереи более или менее значительного размера, поддерживаемые колоннами богатейшей архитектуры. Они предназначались для пеших прогулок. Те же, кто желал насладиться этим удовольствием, сидя в носилках, верхом или в повозке, отправлялись на Аппиеву дорогу.

Портиков в Риме было чрезвычайно много. Они располагались обыкновенно вокруг храмов и других общественных сооружений, как, например, цирков и театров. Некоторые из них не примыкали ни к одному зданию и образовывали особые ограды, обсаженные деревьями и цветами и украшенные бьющими фонтанами. Здесь приятно было укрываться днем от палящих лучей знойного солнца, а вечером отдохнуть от дневных трудов.

К одному из таких портиков и направлялась Аврелия в сопровождении своего опекуна Вибия Криспа.

Длинное покрывало наполовину скрывало ее миловидное лицо. Шестнадцать рабов окружали носилки с пурпуровыми подушками, в которых она намеревалась совершить прогулку. Это были эфиопские невольники, темный цвет кожи которых еще рельефнее оттенял белизну туник, опоясывавших их чресла, и блеск серебряных браслетов на их руках и ногах. Здесь же суетилась под наблюдением любимой кормилицы божественной Аврелии толпа невольниц. Пятьдесят нумидийских всадников в блестящих плащах должны были двигаться

впереди шествия, чтобы раздвигать толпу и пролагать дорогу по улицам Рима.

По данному Вибием знаку божественная Аврелия заняла место в своих великолепных носилках. Эфиопские носильщики плавно их подняли, и вся эта толпа медленно тронулась в путь. Вибий шел рядом с молодой девушкой, стараясь ее развеять и обвевая ее опахалом из длинных и гибких перьев.

Долог был путь от дома Цицерона, расположенного на Палатине, к портику Помпея. Чтобы добраться туда, свите Аврелии предстоял целый час ходьбы.

Прибыв к указанному месту, Аврелия сошла с носилок и в сопровождении Вибия, своей кормилицы и других женщин направилась к театру. Остальная часть свиты в ожидании божественной Аврелии разошлась по харчевням, которых здесь было в изобилии.

В этих харчевнях их владельцы весьма искусно умели опорожнять карманы рабов, лишая их этим возможности скопить себе нужную сумму для выкупа из неволи. В этих харчевнях за чаркой критского вина рабы в отместку за невзгоды подневольного житья раскрывали все тайны домашней жизни своих господ.

Когда Аврелия вошла в портик Помпея, толпа почтительно расступилась перед ней и взоры всех присутствующих устремились на нее.

В Риме все знали молодую девушку. Было известно всем, что она ближайшая родственница императора, а также и то высокое назначение, которое ожидало ее впереди.

Торговцы, в предположении, что она явилась сюда для покупки драгоценнейших материй, низко ей кланялись и старались обратить ее внимание на свои товары.

Быстрым взглядом Аврелия окинула окружающих, тщетно разыскивая в этой толпе единственное интересовавшее ее лицо.

— Неужели здесь нет моего двоюродного брата? — с досадой сказала она Вибию.

— Да, августейшая воспитанница, я забыл тебе сказать, что его воспитатель несколько дней тому назад потерял своих обоих сыновей.

— Но мне необходимо видеть Веспасиана! — воскликнула Аврелия. — Я хочу непременно с ним поговорить, а ты знаешь, что дядя и тетя больше меня не принимают у себя.

— Напиши ему, дорогая воспитанница,— ответил Вибий.— Впрочем, я устрою вам свидание. Но в эту минуту думай только о том, чтобы развлечься, и не возвращайся больше к тому, что тебя огорчило. Разве этот портик и находящееся в нем изысканное общество тебя не интересуют? Потребуй свиту, и, если пожелаешь, мы можем отправиться на Аппиеву дорогу.

— Кто этот иностранец? — прервала его молодая девушка, указывая на человека, молчаливо проходившего по галереям, не обращая внимания на движение толпы.

— Это знаменитый Иосиф Флавий, взятый в плен твоим великим дедом, императором Веспасианом, во время первого похода против евреев. Он в продолжение шестидесяти семи дней выдерживал осаду в крепости Иотана против божественных твоих предков Веспасиана и Тита. В своем отечестве, в Иудее, он принадлежал к жреческому сословию и к секте фарисеев, которой служил лучшим украшением. Попав в плен, он поселился в Риме и предался научным занятиям. Одно из его сочинений император Тит приказал поместить в общественную библиотеку. Это даровитейший человек, но, к сожалению, как говорят, он одержим неизлечимой болезнью.

— Разве он из тех евреев, которых зовут христианами?

— Нет, дорогая воспитанница, напротив: он враг христиан, несмотря на то, что в своих сочинениях он воздал похвалу Христу, учение которого он отвергает. Он следует и соблюдает закон Моисеев, закон нелепый, который делает евреев народом исключительным.

— Ах какие дивные вазы и великолепные вещи! Я никогда не видела ничего подобного! — воскликнула простодушно молодая девушка, устремив взор на лавочку, из которой выглядывала какая-то странная личность.

— Племянница императора Домициана, божественная Аврелия, разрешит предложить ей, что ей больше всего понравится в этой лавочке? — сказал этот человек, одетый в крайне пеструю тунику.

— Кто ты? — спросила Аврелия с некоторым высокомерием.

— Я прибыл из стран Востока,— ответил незнакомец, почтительно кланяясь,— с этими мурринскими вазами, чтобы предложить их императору Домициану... Без сомнения, ему будет весьма приятно, если его возлюбленная племянница выберет...

— Я их приобрету, приобрету! — воскликнула с живостью молодая

девушка, простирая руку к обеим амфорам совершенно одинакового вида, окраска и живопись которых были прекрасно выполнены.— Но,— возразила она,— без сомнения, эти две вещи стоят дорого? Сколько нужно будет тебе уплатить за них? Оцени их, дорогой Вибий.

— Один из моих друзей,— сказал Вибий,— в последнее время купил мурринскую чашу за шестьдесят три таланта; она была больше, чем эти две вазы, соединенные вместе, но я признаюсь, что она была не так красива и художественна, как эти.

— Ты отправишь сегодня же хозяину лавочки сто сорок талантов, если, однако, дорогой опекун, ты пожелаешь исполнить прихоть твоей воспитанницы. Но вазы так прекрасны! — И, повернувшись к незнакомцу, спросила: — Как тебя зовут?

— Аполлоний Тианский, госпожа!

— Как, ты тот самый Аполлоний, о чудесах которого все говорят в Риме?

— Да, госпожа,— ответил философ, вновь низко и почтительно раскланиваясь,— и я бы не желал, чтобы племянница императора платила мне за то, что я счастлив был предложить ей.

— Пусть будет так, но нельзя же, однако, чтобы племянница императора была в долгу у Аполлония,— возразила молодая и гордая патрицианка.— Вазы останутся здесь, или будут проданы за деньги, или иначе... что просишь ты?

— Приема у императора после его возвращения.

Требование было слишком велико. Аврелия колебалась одну минуту, потом сказала:

— Прием ты получишь, однако мне угодно, чтобы взамен этих двух ваз ты взял от меня две коринфские чаши, которые будут тебе принесены в дом.

Аполлоний безмолвно поклонился в третий раз.

Когда он поднял голову, божественная Аврелия была уже в нескольких шагах от него. Она дала приказ собрать людей для возвращения домой. Две из ее рабынь несли купленные вазы.

Молодая патрицианка нашла под перистилем портика Помпея свои носилки, невольников и нумидийских наездников.

— Не вернуться ли нам через народный рынок? — сказала она Вибию, усаживаясь в носилки.— Я хочу посмотреть, есть ли там в продаже такие же вазы, как эти.

Желание божественной Аврелии было для Вибия Криспа равносильно приказанию. Он велел тотчас же направиться по дороге к Villa Publica.

Когда они приблизились к цирку Фламиния, неожиданное зрелище привлекло внимание Аврелии. На высоком помосте перед одной из лавочек стояли почти совершенно нагие мужчины, женщины, молодые люди и девушки с табличкой на шее и с белым льняным чепчиком на голове. Это был невольничий рынок.

Перед помостом прогуливался с длинным бичом в руке владелец этих невольников, Парменон. С невозмутимой уверенностью и непринужденностью он хвастался толпе своим товаром.

Время от времени он наделял ударами этих трепетавших перед ним обнаженных людей, которые, однако, не смели издавать ни одного стога.

— Смотрите, как они послушны! — восклицал Парменон с торжествующим видом.— Владелец может наказывать их, как ему угодно. Он не будет бояться ни их возмущения, ни жалоб! Идите, граждане, покупайте! Развешиватель серебра недалеко, а восемь тысяч сестерций ничего не стоят!

Но ни один любитель не выходил из плотной толпы на вызов Парменона. Выбор же был между тем очень хорош: от черного африканца до белой галльской девушки, разнообразие возрастов, полов и цветов кожи могло удовлетворить всевозможные вкусы. Решительно день казался плохим, и Парменон начинал беспокоиться. Однако Меркурий, бог плутов, ростовщиков и барышников, пришел к нему на помощь.

Вдали уже показалось начало шествия божественной Аврелии. Парменон, который не различал еще ничего, понял только, что приближался богатый гражданин. Внезапная надежда осветила его лицо.

— Прикажи выйти рабам изнутри! — воскликнул он, обращаясь к человеку, который, казалось, был его помощником в этом занятии.

Чтобы понять смысл этих слов, нужно иметь в виду, что в подобного рода лавочках заключался товар двух весьма различных сортов. Один сорт, достоинством похуже, выставлялся лишь для вывески. Лучшие же экземпляры хранились внутри.

Вскоре показались на позорных подмостках другие жертвы; они

были увенчаны цветами, как будто предназначались для жертвоприношения.

Толпа пришла в неистовый восторг. Группа была действительно прекрасна и весьма разнообразна. Она могла удовлетворить самых взыскательных знатоков. Одна молодая девушка в особенности привлекала взгляды всех присутствующих. Ее длинные волнистые волосы закрывали ее почти всю; несколько лоскутьев грубой материи скрывали ее наготу.

Как и у других подруг, у нее тоже была дощечка с надписью о продаже. На ней было, кроме того, обозначено, что девушка происходила из свободного сословия и что она никогда не могла быть вольноотпущенной. Ее несчастье должно оставаться вечным. И, несмотря на все это, ее лицо, обращенное к небу, выражало чувство совершенной покорности Божественному Провидению. Несколько слезинок, которые несколько не уменьшали ее мужества, медленно текли по ее розовым щекам.

Это была Цецилия, жертва Марка Регула.

Когда она показалась на подмостках, из глухого и неопределенного шума толпы явственно выделилось три вопля. Первый, вопль отчаяния, издал ее отец, лицо которого исказилось от ужасного горя. Вторым, крик негодования, раздался как угроза. Он исходил от молодого человека, жениха Цецилии, который хотел броситься к ней и вырвать ее из рук палачей, если бы его друзья не удержали. Третий, вознесенный кем-то к небесам, призывал к мужеству и надежде.

— Мужайся, Цецилия! — слышался голос.— Мужайся! Думай о Боге, ради которого ты претерпеваешь гонение; думай о Христе, Сыне Божьем, который тебя вознаградит!

Эти странные слова, произнесенные в Риме на невольничьем рынке, вероятно, впервые, принадлежали старухе, достигшей почти восьмидесятилетнего возраста. Она сидела у подножия помоста. В чертах ее лица можно было прочесть горькое страдание. Она произнесла слово «мужайся», а сама заплакала! Покорность Провидению не могла заглушить сердечных мук. Цецилия расслышала эти слова и опустила глаза. Она окинула взором присутствующих и улыбнулась тем, кто за нее так страдал. Она заметила также Марка Регула, который, выйдя из-за колонн, откуда он с беспокойством наблюдал за всем происходившим, поспешно подошел к Парменону.

— Берегись,— сказал он ему,— хотят отнять у тебя Цецилию!.. Идет божественная Аврелия, племянница императора, которую сопровождает свита... Сделай так, чтобы она остановилась и чтобы купила ее... Она не отступит даже перед ста тысячами сестерций!

В эту самую минуту Аврелия велела остановиться. Она увидела Цецилию, прочитала надпись и обратилась к Вибию со словами:

— Опекун, эта молодая девушка мне нравится, я хочу ее приобрести. Спроси цену у этого человека. Она заменит Дориду.

Парменон услышал. В один миг он был возле Вибия.

— Я попросил бы двести тысяч сестерций,— сказал он,— но божественной Аврелии, августейшей племяннице нашего владыки императора Домициана, я уступаю эту рабыню за сто тысяч сестерций... Господин позволит?

Вибий был образцом опекунов, он взглянул на свою воспитанницу, и так как она ответила ему улыбкой, выразившей мольбу, то достойный сенатор уступил без спора и потребовал весовщика. Человек, носивший весы, тотчас появился. Это лицо было необходимо при всякой продаже или отдаче во владение. Аврелия сошла со своих носилок. Цецилию заставили сойти с подмостков. Властная госпожа и будущая невольница обменялись взглядами, гордым со стороны патрицианки и почтительным со стороны дочери народа.

Аврелия держала медную монету в руке, символ ввода во владение. Твердым шагом она подошла к Цецилии и, покрыв ее голову своей ладонью, произнесла священную формулу:

— Я утверждаю, что эта молодая девушка принадлежит мне по закону квиритов и что я ее купила за эту монету и при помощи этих весов.

В это же время она коснулась медной монетой весов и передала ее Парменону как мнимую продажную стоимость Цецилии.

Торговец, не придававший значения мнимой цене, даже и законной, спросил у сенатора, когда он может получить действительную сумму.

— Тотчас,— сказал Вибий,— пошлите за ней к эконому моей воспитанницы.

Но в ту минуту, когда молодая патрицианка, приобретя новую рабыню, хотела войти в носилки, вдруг разыгралась необычайная сцена.

Из Ратуменских ворот появилось, направляясь к храму богини Юноны, другое шествие, которое мало-помалу окружило свиту